

ЗАБЛУДИВШИЕСЯ

Лишь темень повсюду, не видно ни зги.
«Отважному», кормчий, скорей помощи.
Народу свой собственный путь ты торишь
И думы тяжелые в сердце хранишь.

Туда и сюда пролагаешь ты путь.
Порой не решаешься ты повернуть.
Нас гонишь, но сам я себя тороплю —
Об этом, увы, ты не знаешь ничуть.

Я столько раз падал на этом пути
И снова вставал, чтобы дальше идти.
Без цели, как все, я по жизни бродил,
Пытаясь дорогу спасенья найти.

Как трудно нам выбрать свою колею!
Печаль из души я в слова изолью.
Хоть искорку свет вокруг я ищу,
Но темень все та же в родимом краю.

РАССКАЗ ШАРИПА

«Он по запаху чует врага вдалеке —
Конь саврасый стоит на часах.
Замечая внезапный испуг в косяке,
Вмиг наводит «порядок в рядах».

Слышен шум — приближается вор иль пастух?
Синегривые кони, любуйтесь собой!
Настороженный, весь превратился он в слух,
И в любое мгновение вступит он в бой.

Он почует подвох, он увидит капкан,
Грозным ржаньем отгонит врага.
Он зубами поймает коварный аркан,
Не позволит пуститься кобылам в бега.

Властелину ли, вору ли хочется жить.
Даже мошка мечтает остаться в живых.
Жеребец косяку не устанет служить,
Он почти человек в предпочтеньях своих.

Если верности нет — синегривые вмиг
Прочь ускачут... Саврасый тревогой объят.
Не боясь ни копыт, ни пастушьих герлыг,
Загоняет вовнутрь косяка жеребят.

Верность, долг и величие ценит народ.
Если нет их в мужчинах, то грош им цена.
Жеребят и кобылок тревога гнетет,
А саврасому преданность только нужна.

Соблюдать все обычаи должен казах,
Или корни забудет свои лицемер.
Ничего не скажу о других лошадях,
Но саврасый — любому джигиту пример.

Он научит заслоны поставить беде,
И умело аулом своим управлять,
И не даст меж людьми появиться вражде —
Нет почти никого, кто ему тут под стать».

И Шарип замолчал и печально вздохнул,
А затем, хоть обычно и был молчалив,
Руку к домбре своей не спеша протянул,
Чтоб рассказ свой продолжить
под струнный мотив.

СВАРЛИВЫЙ ДЖИГИТ

Джигит могуч, как будто он весь налит свинцом,
Вселенную вобрал он всем сердцем и умом,
Он грозен и задирист и страшен он на вид,
И взор его пылает пугающим огнем.

С ним, видно, шутки плохи, в нем яростный накал,
Одним суровым взглядом сражает наповал.
Весьма честолюбивый, как видно по нему,
Румянец заливаает дебелих щек овал.

Джигит надменным взглядом окидывает всех,
Могуч и необуздан, не терпит он помех.
Сияет взор мечтою о счастье для людей,
Чтоб каждому достались богатство и успех.

Он — словно повелитель гор наших и степи.
Отечества потомок, ну что же ты, не спи!
Ты богатырь. Бесстрашен...
Однако, что ему
Мешает? Кто удержит такого на цепи?

Смотря на мир, изъянов в нем не ищи, джигит.
Встревожен и растерян, молчанье он хранит.
Мужчина он, однако на женщину похож.
Кляня судьбу и время, без дела он сидит.

МОЛИТВА О ДОЖДЕ

Край родной.
Деревенский дом...
На душе беспокойства гнет.
Щеки жарким горят огнем.
Белый призрак вдали плывет.

Побледнел, пожелтел барбарис,
В балках — шорох засохших трав.
Потянулся кустарник ввысь,
К ветру, как к роднику, припав.

Солнца яркий сияет свет,
Скрыла даль его пеленаю
От него избавленья нет,
Пересохла река до дна.

Всё, как в бане, кипит, бурля,
В небе зноя плывут пары,
Камни плавятся, и земля
Вся потрескалась от жары.

Землю роют в тревоге псы,
Пасть разинув, домашний скот
Жалко блеет, тыча носы
В щель ограды возле ворот.

Раскаленный простор земли,
Словно маслом, полив огнем,
Солнце в зной плывет пыли,
В жарком мареве — окоем.

На каменья овцу кладя,
Кровью жертвенник орося,
Бога хоть о капле дождя
Умоляла деревня вся.

Полыхай же, огонь, могуч.
Я твой раб, ты — властитель, вождь...
Из внезапно возникших туч
Долгожданный пролился дождь.

Вороной жеребец

На мгновение облако село на пик —
И исчезло... И жизнь человека — лишь миг.
Небо черное тучей надвинулось вдруг
И сквозь ливень след огненной плети возник.

Во мгновение ока взбурлила вода,
Стала камни ворочать туда и сюда.
Разбежались стремительно все пастухи
По укрытиям, бросив от страха стада.

С гулом, грохотом, шумом, как некий дракон,
Мчался мощный поток на аул напрямиком.
Заливая долину и склоны холмов,
На пути сокрушал все препятствия он.

Тот, кто встал у него на пути — не жилец.
Сбилося в кучу встревоженно стадо овец.
У жилища пастушьего возле реки
Громко фыркал и ржал вороной жеребец.

Говорят, что животные чуют беду.
Жеребец бил копытом, кусая узду.
Отделившись от стада, хромая овца
Возле дома кружила у всех на виду.

Ближе, ближе бурлящего селя стена,
Вот сейчас захлестнет край жилища она.
Позаботиться надо бы тут о себе,
А хромая овца никому не нужна.

Бьёт копытами, ржет жеребец вороной.
Смотрят люди на это сквозь дождь проливной.
Вот уже наводнение настигло овцу
И накрыло ее грязно-пенной волной.

И тогда жеребец устремился в поток
И, вцепившись зубами, овцу поволок,
Выбиваясь из сил, рассекая волну,
На покрытый травой зеленый лужок.

Он ее положил и легонько потряс,
С ее шкуры текла водянистая грязь.
И заржали кобылы вдали в табуне,
То ли славя его, то ли громко смеясь.

И хромая овца поднялась и сама,
Жалко бляя, пошла... И растаяла тьма,
Ливень вдруг прекратился и солнце взошло.
Люди, громко галдя, возвращались в дома.

Этот случай никак я забыть не могу.
Когда вижу коня иль овцу на лугу,
Вспоминаю постыдный поступок людей,
И на время опять превращаюсь в брюзгу.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ УШЕДШЕЙ МОЛОДОСТИ

Багровым закатом весь мир озарен.
Надвинулся вечер, объяв небосклон.
От солнца, что нас согревало весь день,
Уже не оставил ни искорки он.

В саду наслаждался прохладой старик.
Хоть пламя в глазах, головою поник.
Здоровое сердце, и ум хоть куда!
Но скоро последний приблизится миг.

Он юность свою вспоминает сейчас.
И в мыслях вся жизнь перед ним пронеслась.
Чудесные, яркие, сочные дни
Вдруг в душу ворвались, как вихри, крутятся.

В тревоге он жизнь прозревает сквозь тьму,
Былое он видит в огне и дыму.
Он новому веку и миру не рад...
Внезапно красotka подсела к нему.

Красавица пахла, как сладкий арбуз,
Для скульптора стала б одною из муз.
И старец, как будто джигит молодой,
При виде красотки изведал искусу.

Играл на лице ее радостный блик,
Взор глаз волооких вдруг в сердце проник,
И щеки сияли, как алый гранат —
Ее красоткою сражен был старик.

В нем страсть разгоралась, мечта в нем росла,
В глазах постепенно растаяла мгла —
И старец немного придвинулся к ней...
Но с парнем пришедшим красotka ушла.

В душе старика — только пламени гул.
Лицо погрузилось во тьму, как аул.
Увяли мечты, превратились в золу.
И хриплою грудью он тяжело вздохнул.

КОЧЕВОЙ ЛЕС

Среди ночи, в сиянии полной луны,
Время шло, навевая неясные сны.
Меж собою деревья вели разговор:
«Уезжаем отсюда! Нам нужен простор!»
И прощались с горами, мечты затая,
Покидая навеки родные края.

«Вон, Стожары прошли, — говорили. — Быстрее!»
И желали друг другу удачи в пути.
От наскучивших гор, надоевших степей
Черный лес переехал за ночь — не найти.

Но как милость небес —
Уходя второпях,
Кочевой черный лес
Корни бросил в горах.

Подстрочный перевод с казахского **Абая Каиржанова**
Стихотворный перевод **Игоря Елисева**